

Подлесная Мария Александровна
Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Москва, Российская Федерация
yamap@yandex.ru

Духовное образование высшей православной школы: ответ на вызовы секуляризации

Аннотация. В основе статьи материалы эмпирического социологического исследования, проводившегося в 2012 и 2018 гг. в вузах светской и религиозной направленности. Данная статья акцентируется на результатах анализа данных массового опроса семинаристов Московской и Санкт-Петербургской духовной академий. В качестве теоретической основы использовалась концепция онтологической природы секуляризации Дж.Милбанка и церковной секуляризации Ч.Тейлора, которые позволили рассмотреть последствия реформирования системы духовных школ в контексте секуляризации церковных институтов. В статье представлены взгляды семинаристов об их будущих профессиональных и образовательных стратегиях, их отношении к деятельности Русской православной церкви, к проводимой реформе «Болонский процесс» и её реализации в духовных школах. Поднимаются также вопросы гражданского активизма самих учащихся, особенностей социального окружения, взаимодействия с миром, поиска авторитетов и места среди них духовных наставников. В статье приводится анализ уставных документов Русской православной церкви, которые позволяют наглядно увидеть позицию церкви в процессе реформирования и проследить, насколько это согласуется с отношением самих учащихся.

Ключевые слова: высшие духовные школы; семинаристы; церковная секуляризация; Дж.Милбанк; Ч.Тейлор; Русская православная церковь; реформа образования «Болонский процесс»

Podlesnaya Mariya Alexandrovna
Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Moscow, Russian Federation
yamap@yandex.ru

The theological education of the higher Orthodox school: responding to the challenges of secularization

Abstract. The article is based on materials from an empirical sociological study conducted in 2012 and 2018. in universities of secular and religious orientation. This article focuses on the results of the analysis of data from a mass survey of seminarians at the Moscow and St. Petersburg Theological Academies. The concept of the ontological nature of the secularization of J.Milbank and the church secularization of Charles Taylor was used as a theoretical basis, which allowed us to consider the consequences of reforming the system of theological schools in the context of the secularization of church institutions. The article presents the views of seminarians about their future professional and educational strategies, their attitude to the activities of the Russian Orthodox Church, to the ongoing reform of the "Bologna Process" and its implementation in theological schools. The issues of civic activism of the students themselves, the characteristics of the social environment, interaction with the

world, the search for authorities and the place among them of spiritual mentors are also raised. The article provides an analysis of the statutory documents of the Russian Orthodox Church, which make it possible to visually see the position of the church in the process of reforming and to see how this is consistent with the attitude of the students themselves.

Keywords: higher theological schools; seminarians; church secularization; J.Milbank; Ch.Taylor; Russian Orthodox Church; educational reform "Bologna process"

Введение

В настоящее время Русская православная церковь переживает сложный этап своего реформирования, это касается и духовного образования, в том числе его высшей школы. Сложность проявляется в том, что данный процесс имеет противоречивый характер: с одной стороны, есть необходимость Русской православной церкви встроиться в светскую образовательную систему, которая сама в настоящее время подвергается серьезным изменениям, с другой, религиозное образование имеет свою специфику, отличную от светского (вера в абсолютную Божественную роль в формировании мироздания, сущности человеческого бытия), которая проявляется в необходимости воспитания духовных качеств личности и сохранении преемственности с православной традицией. Данная проблема в том числе затрагивает педагогические основы духовного образования: «Сама идея унифицировать светскую и духовную формы образования является рискованной в ситуации непреодолимых противоречий между принципами секулярной и православной педагогики» [Морозов, 2016: 174].

На протяжении веков подготовка священников Русской православной церкви проходила в церковных школах при монастырях, что определило соответствующий уклад и подход к духовному образованию. Так или иначе данная традиция сохранилась до настоящего времени, хотя за последние десятилетия в России и появился ряд высших учебных заведений интегративного типа (к таковым, например, относится Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет), заметно отличающихся от привычной, традиционной формы. Этому способствовали не только изменения в стране и соответствующий запрос со стороны самого общества, но и те процессы, которые происходили в сфере духовного образования РПЦ на протяжении всего XX, начала XXI вв. Отметим, что в качестве особенностей духовное образование имело свои черты: централизованную систему всех специализированных учебных заведений, которая не пресекалась вплоть до вытеснения РПЦ из всех сфер жизни общества (после революции 1917 года) и которая быстро начала свое восстановление в 40-х гг. XX века сразу же, как ослабли гонения на Церковь в военные и послевоенные годы, а также способность амортизировать, быть адаптивной к внешним изменениям. Например, уже в конце 1980-х годов XX века в период кризиса советской идеологии и на запрос общества на возрождение духовных и культурных традиций высшая духовная православная школа начинает свое восстановление. Этому способствовали в том числе решения архиерейских соборов РПЦ 1989 и 1994 гг., в результате которых семинария приобрела статус высшего духовного учебного заведения. Соборы 2000 и

2004 гг. закрепили приоритет вопроса о развитии духовного образования, отметив, что «от уровня и качества духовного образования священнослужителей во многом зависит судьба народа Божия, Церкви и всего Отечества» [Концепция высшего духовного образования Русской Православной Церкви, 2017]. В качестве заметных достижений можно отметить признание теологии в качестве научной дисциплины в 2015 году, утверждение федерального государственного образовательного стандарта при президиуме Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки РФ. В 2016 году духовные школы окончательно переходят на Болонскую систему обучения, с трехуровневой схемой подготовки кадров – бакалавры, магистры, аспиранты, а уже в 2017 году состоялась первая защита кандидатской диссертации по теологии. В 2019 году были защищены и докторские диссертации (оба кандидата из ПСТГУ). В итоге, мы можем говорить сегодня о признании высшей духовной православной школы светской системой образования на основании соответствия системы духовного образования светским образовательным стандартам, что конечно, не может не вызывать вопросы.

Теоретико-методологические основания исследования

Социологическое исследование «Духовно-нравственная культура российского вуза» проводилось в 2012 и 2018 гг. исследовательской группой ИАЦ ФСН ПСТГУ⁷⁵⁴ в светских и религиозных вузах. Авторы исследования руководствовались несколькими теоретическими подходами, связанными с понятием секуляризации и в частности секуляризации церковной среды.

Один из таких подходов, который вслед за Тейлором, был обозначен как «вычитательный», представлен в трудах О’Ди, Бергера, Парсонса, Белла и др. и говорит о том, что секуляризация ведет к сокращению сферы действия религии, а сама секуляризация рассматривается как утрата священного, вытеснение религии наукой и рациональным мышлением или же как видоизменение религии в ходе социальных перемен. Другой подход связан с именами таких социологов как Джон Милбанк и Чарльз Тейлор и указывает на онтологическую, церковную природу секулярного, видя причины появления секуляризации в самой церкви [Тейлор, 2017], или как обратную сторону религиозности [Milbank, 1999]. Именно этот подход (в совокупности с другими) представляет для нас наибольший интерес, выявляя секуляризм в духовной школе как части церковного института.

В качестве основного метода был задействован массовый опрос учащихся как светских, так и духовных вузов. Светские вузы представлены двумя крупнейшими университетами России – Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургским государственным университетом, и тремя

⁷⁵⁴ Руководитель исследования д.э.н., профессор И.П. Рязанцев, исполнители – к.с.н. Подлесная М.А., к.с.н. Писаревский В.Г., м.н.с. Каргин Е.А.

региональными университетами – Тюменским государственным университетом, Самарским государственным техническим университетом и Севастопольским государственным университетом. В массовом опросе студентов светских вузов приняли участие 2505 учащихся, в духовных школах были опрошены 492 семинариста. Дальнейший анализ будет посвящен данным, полученным в духовных вузах, прежде всего «столичных» школ – Московской духовной академии (далее МДА) и Санкт-Петербургской духовной академии (СПДА). Анкетирование в духовных школах, как и в 2012 году, проходило в зданиях духовных семинарий, с помощью интервьюеров. Выборка неслучайная, котируется по возрасту и курсу.

Часть 1. Особенности реформирования высшей духовной школы Русской православной церкви

Реформирование духовной школы Русской православной церкви предпринималось в истории неоднократно и тесным образом было связано с развитием общего образования в России.

В качестве одной из первых попыток такого реформирования можно назвать Духовный регламент Петра I за 1721 год, где указывалось, что «всякому епископу иметь при доме своем школу для детей священнических и прочих в надежду священства определенных», благодаря которому в программе обучения появились как богословские, так и общеобразовательные предметы.

Несколько позже попытку реформирования предпринимала и Екатерина II, к моменту правления которой в духовной школе обнаружили такие проблемы, как недостаток подготовленных преподавателей, отсутствие единой программы обучения, материальная необеспеченность, схоластика в обучении, и ее внук Александр I, при котором даже в ситуации военного времени был разработан Устав духовных училищ 1814 г.

Несмотря на имевшиеся проблемы и неоднократно предпринимаемые попытки реформировать систему духовного образования, по-настоящему заняться этим смогли только при правлении Николая I, при котором появилась новая система управления духовного образования, которая полностью реализовывалась Святейшим Синодом под руководством и контролем обер-прокурора Святейшего Синода. При этом упразднялись независимая комиссия духовных училищ, вместо которой создавался Училищный комитет Синода. Вместе с новой программой семинарского преподавания 1840 года предполагалось «подвинуть» общеобразовательную программу, в результате чего из программы преподавания были исключены «познания светские» и все преподавание было «проницаемо духом церковным» - резко сокращался объем преподавания дисциплин общеобразовательного характера, а философия упразднялась вовсе. Таким образом, реформирование по большому счету свелось к контролю системы духовного образования государственной властью и созданием единого управленческого центра светского характера. Как покажут дальнейшие события

истории, попытка «вернуть» высшие духовные школы к православной традиции и подлинной духовности не приведут к искомым результатам и лишь еще больше обозначат назревшие проблемы, которые попытаются решить созданием Уставов духовных школ 1867 г. (при правлении Александра II), 1884 г., или как его назовут «антиустав», 1910 г., дополненного в 1912 г. Надо сказать, что в качестве основной проблемы, которую так или иначе были призваны решить данные уставы, называлась проблема религиозного или нравственного воспитания семинаристов, которая словами митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова) обозначалась следующим образом: «Дети поступают в [духовные] училища благонравными, а из училища выходят с испорченною нравственностью и совсем не с молитвенным духом... В духовных академиях у нас появились уже вольнодумцы и даже безбожники..., и этот злой дух проявляется уже и в семинаристах» [Иннокентий, 1901:353]. Таким образом, реформирование высшей духовной школы связывалось главным образом с воспитательной компонентой обучения, чему уделялось особое внимание и с чем связывалась в определенном смысле стабильность государственной и церковной власти. Но дело было не только в желании обеспечить стабильность, но и в самом отношении к священническому служению, которое не только обладало сакральной функцией, но и отвечало запросам общества. В связи с чем вспоминается известное изречение Ч.Тейлора, который в работе «Секулярный век», говоря о современности, отмечает: «мы перешли от общества, где практически невозможно было не верить в Бога, к обществу, где вера, даже для самых непреклонно верующих, есть всего лишь одна человеческая возможность среди прочих. <...> Вера в Бога уже не является аксиомой» [Тейлор, 2017: 4]. Отсюда то, что и к духовному образованию предъявляются сегодня иные требования.

Чтобы определить их, мы проанализировали действующие Устав Учебного комитета РПЦ [Устав Православной религиозной организации, 2011], и собственно высшей духовной школы [Типовой устав духовной семинарии, 2014], которые выложены на сайте Учебного комитета РПЦ (органа исполнительной власти Русской православной церкви, как говорится о комитете в Уставе управления РПЦ). Нас интересовали в первую очередь целеполагание и характер риторики анализируемых документов, степень формализации и бюрократизации, так как именно с последними Джон Милбанк и Чарльз Тейлор связывают процесс церковной секуляризации. В качестве дополнительных признаков церковной секуляризации авторы также выделяют: разделение философии и богословия, падение роли богословия, несоответствие научных дисциплин теологической перспективе, юридизм и формализация внутрицерковных отношений, договорные экономические отношения внутри церкви, рациональная инструментализация и ориентация на эксклюзивный гуманизм – в центре всего не Бог, а человек.

Анализ Устава Учебного комитета выявил несколько особенностей системы управления духовного образования: во-первых, бюрократизм и иерархичность тех

структур, которые этот комитет составляют; во-вторых, наличие функциональной специализации Церкви в целом, и Учебного комитета в частности; в-третьих, возможности комитета вступать в договорные экономические отношения – заниматься предпринимательской деятельностью, вкладываться в ценные бумаги, участвовать в хозяйственных обществах и т.д. (раздел о правах комитета и его бюджете).

Типовой устав духовной семинарии удивительным образом повторяет структуру и форму Устава Учебного комитета, указывая на подчиненное положение семинарии по отношению к комитету, кроме того, его язык проявляет юридизм, а сам документ составлен в соответствии с федеральным законом № 99 «О лицензировании отдельных видов деятельности». То, что семинария в своей деятельности соотносится прежде всего со светскими положениями, такими как федеральные законы, а затем уже с внутрицерковными, указывает на секулярный признак, предложенный П. Бергером – следование прежде всего нерелигиозным нормам [Berger, 1967]. Структура семинарии, о которой так же говорится в Уставе, функционально специализированна, у семинарий так же, как у Учебного комитета, имеется право на участие в предпринимательской деятельности и операциях с ценными бумагами, чему посвящен один из разделов Устава высшей духовной школы. Таким образом, согласно документу, наблюдается не только бюрократизация церковных институций, но и их коммерциализация. Важно подчеркнуть, что сама риторика Устава духовных школ, в том числе в той её части, которая посвящена миссии и задачам семинарий, весьма заформализована. В отличие от Уставов прежних лет (1814, 1867, 1887 и 1910 гг.) не обнаружено ссылок на священное писание и святых отцов, вместо этого имеется текст следующего содержания: семинария является организацией, «деятельность которой направлена на подготовку служителей и религиозного персонала Русской Православной Церкви посредством реализации соответствующих образовательных программ, а также образовательных программ высшего образования по направлениям подготовки (специальностям) в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами». Обращает внимание, что священники в документе названы религиозным персоналом, что отсылает нас к вполне светской риторике и к снижению роли священства как призвания.

Очевидно, что процесс реформирования высшей духовной школы Русской православной церкви вчера и сегодня не был одним и тем же (хотя отдельные вопросы и поднимались с определенной регулярностью, например, вопрос о соотношении светских и богословских дисциплин в процессе обучения), что обуславливалось не только контекстом, но и позицией Церкви, отношением к священнику и его служению. В настоящее время Церковь и ее духовная школа (по крайней мере согласно официальным документам) в большей степени приближена к светским образовательным аналогам, что откладывает отпечаток на риторике и стилистику официальных документов и те вызовы, которые ставятся перед системой духовного образования, а это в первую очередь, - необходимость встроиться в происходящие во

всей образовательной системе изменения. В связи с этим на периферию уходит, когда-то один из значимых вопросов высшей духовной школы РПЦ, вопрос о духовном воспитании и нравственном облике будущего пастыря.

Часть 2. Портрет будущего священника Русской православной церкви

Но что в действительности происходит с теми, кто выбирает в качестве своей профессиональной деятельности священническое служение? И каковы их духовные запросы? Поиск ответов на эти вопросы поставили перед нами задачу определить портрет будущего священника Русской православной церкви и оценить: 1. профессиональные и образовательные стратегии учащихся, их видение своих дальнейших перспектив, 2. отношении к Церкви и её инициативам, 3. к реформированию системы российского образования в целом и тому, как складывается это образование в самих духовных школах.

Профессиональные и образовательные стратегии семинаристов

Важной особенностью сегодняшних семинарий в отличие от 90-х гг. XX века, является то, что больше половины опрошенных – это молодежь в возрасте младше 25 лет, то есть еще вчерашние школьники. Омоложение семинарий – тенденция последнего десятилетия, как и та, что больше половины учащихся семинарий Москвы и Санкт-Петербурга (МДА – 62,2 %, СПбДА – 57,9 %) не рукоположены, или являются чтецами (МДА – 35,1 %, СПбДА – 35,9 %). В сравнении с данными 2012 года, в замеры которого принимала участие МДА, процент нерукоположенных в 2018 году заметно ниже. В 2012 году таковых было 89,4 %. Можно предположить, что за последние годы сложилась тенденция к ранневозрастному рукоположению в священники, и косвенно это может свидетельствовать как о необходимости кадров, так и об их недостатке священников старших возрастов.

Еще одной особенностью семинарий является то, что подавляющее большинство учащихся (83,5 % опрошенных в МДА и заметно больше в СПбДА – 89 %) имеют намерение рукополагаться и желание связать свою жизнь со священническим служением. При этом в 2012 году такое желание опрошенные МДА выражали чаще (88 %).

При подаче документов в вуз, более 96 % в обоих случаях, целенаправленно следовали сделанному выбору и не подавали документы в другие вузы и на другие специальности, что может отчасти говорить о серьезности намерений относительно выбранного пути. При этом 39,5 % опрошенных в МДА и 44,8 % в СПбДА в будущем хотели бы сменить направление подготовки, что указывает на наличие группы учащихся в семинариях, у которых есть намерение продолжить свое обучение и получить другие специальности. Вместе с тем обучение за границей, которое так часто предлагается сегодня как возможное и привлекательное, в настоящее время не входит в приоритеты семинаристов, желающих поучиться за границей в МДА 16,9 % и заметно больше, 24,8 % респондентов в СПбДА. Подобные цифры рисуют нам

интересную картину: заметная часть семинаристов хотела бы подкрепить свой выбор духовного образования еще одной специальностью, но преимущественно не за границей.

Отвечая на вопрос о том, в чем смысл образования, учащиеся семинарий выбирали 1. в получении профессиональных знаний (74,2 % опрошенных в МДА, 68,3 % в СПбДА), 2. познании мира и себя (54,7 % МДА, 46,9 % СПбДА), 3. в том, чтобы стать образованным человеком (47 % МДА, 46,2 % СПбДА). Меньше всего их интересовали такие варианты ответа, как получение престижного диплома (10,7 % МДА, 11 % СПбДА), достижение социального и экономического статуса (6,7 % МДА, 2,8 % СПбЖА), диплом как «корочка» (4 % МДА, 2,1 % СПбДА). Это может говорить не только на наличие иных целей у самих семинаристов, но и на специфику вуза. Очевидно, что главной ценностью образования для студентов академий и семинарий являются именно знания, помогающие молодым людям познать мир и себя, почувствовать себя образованным человеком. Тот факт, что 40–45 % учащихся не планируют продолжить свое образование в дальнейшем и 70–75 % видят смысл своего образования в получении профессиональных знаний, указывает на еще одну особенность стратегий учащихся – на желание прежде всего практической деятельности. В связи с чем нами был задан вопрос о том, какие направления священнического служения особенно близки.

Согласно данным, чуть больше половины всех студентов (МДА – 57,8 %, СПбДА – 50,3 %) считает наиболее близким для себя совершение богослужения. На второй позиции стоит исповедь и беседы с людьми, причем, с заметным отрывом от первой позиции, что может указывать на то, что в этом есть установка самой Церкви, транслируемая учащимся (Таблица 1).

Таблица 1. Приоритетные направления священнического служения в оценке семинаристов

Какое направление служения вам близко (%)	МДА	СПбДА
Совершение богослужений	57 %	50,3 %
Исповеди и беседы с людьми	20 %	15,2 %
Социальное служение	11 %	11 %
Затрудняюсь ответить	7,6 %	12,4 %
Другое	4 %	9,7 %
Совершение треб	0,4 %	1,4 %

Социальное служение и особенно совершение треб (хотя именно это составляет, как правило, основной доход священника) не рассматриваются как приоритетные, что может говорить отчасти о том, что для семинаристов служение священника – это особое призвание, предстояние перед Богом, а не просто профессия. Отметим, что в сравнении с данными 2012 года, картина в МДА несколько изменилась. Тогда совершение богослужения в качестве наиболее приоритетного для себя вида

деятельности выбрали 45 % опрошенных, социальное служение 21 %, исповеди и беседы с людьми 12 % учащихся. Подобные изменения в процентах могут свидетельствовать об изменении отношения семинаристов к тому, что происходит в РПЦ в целом. Видимо, взятый за последние шесть лет курс на активное социальное служение в приходах привел не только к некоторому разочарованию среди учащихся, но и к иной расстановки акцентов, при котором интерес к богослужению стал более заметным.

Отношение учащихся к инициативам Русской православной церкви

При опросе семинаристам был задан вопрос о том, какое направление в служении РПЦ стоило бы сегодня развивать (Таблица 2).

Таблица 2. Направления деятельности РПЦ, которые стоило бы развивать: оценка семинаристов

Какое направление в служении РПЦ, помимо совершения литургии, с вашей точки зрения необходимо развивать сегодня в первую очередь (%)	МДА	СПбДА
Работа с молодежью	52 %	45,5 %
Социальное служение	16 %	21,4 %
Другое	8,4 %	11 %
Связи с общественностью, работа со СМИ	7,6 %	10,3 %
Ограничение активной деятельности Церкви с миром	7,1 %	4 %
Затрудняюсь ответить	4 %	3,4 %
Работа с армией и флотом	3,1 %	3,4 %
Работа в правоохранительных органах	1,3 %	1 %
Тюремное служение	0,4 %	

В качестве приоритетных были названы такие виды деятельности, как работа с молодежью – МДА – 52 %, СПбДА – 45,5 %, социальное служение и развитие такого направления, как связи с общественностью и работа со СМИ, которые хотя и актуализируются сегодня Церковью, но явно не вызывают согласия у большинства семинаристов. Важно отметить, что для значительного числа семинаристов крайне важна активная позиция Церкви в обществе, особенно среди молодежи, только 4–7 % опрошенных желали бы ограничить активность Церкви в миру (для сравнения таковых в 2012 году среди учащихся МДА было 2,1 % опрошенных). Вместе с тем работа с маргинальными, закрытыми группами общества (такими, как отбывающие наказание в местах лишения свободы) уходит на второй план.

Сами учащиеся семинарий с точки зрения их общественно-политической активности действуют довольно сложно и разнообразно (Таблица 3).

**Таблица 3. Активность семинаристов
в общественно-политической сферах жизни**

Что за последние полгода Вы делали с точки зрения общественно-политической жизни (%), вопрос с множественным вариантом ответа	МДА	СПбДА
Делал благотворительные взносы, помогал нищим, обездоленным, нуждающимся, больным	29,8 %	39,3 %
Участвовал в выборах президента РФ	39,6 %	29 %
Ничего из перечисленного не делал	29,8 %	27,6 %
Работал в качестве волонтера	10,7 %	26,2 %
Писал общественно значимые статьи и заметки в социальных сетях и интернете	13,8 %	15,9 %
Сам разрабатывал и реализовывал социальный проект	4,9 %	7,6 %
Участвовал в собраниях, митингах и др. политических и общественных акциях	3,6 %	3,4 %
Организовывал сбор подписей в поддержку общественно значимой инициативы	0,4 %	2,1 %

Делали благотворительные взносы, помогали нищим, обездоленным, нуждающимся в помощи почти треть опрошенных МДА и больше трети СПбДА в течение полугода, еще 26 % воспитанников СПбДА работали в качестве волонтеров, что заметно больше, чем в МДА (10,7 %), где ярче выражена политическая активность (например, почти 40 % опрошенных участвовали в выборах президента РФ).

Примечательно, что вместе с группой активно участвующих в общественно-политической жизни семинаристов, есть и те (их почти треть в обеих семинариях), кто не участвовал ни в одном из перечисленных видов деятельности. Это может указывать на неоднородность семинарской среды, в которой есть как большинство тех, кто ведет активную общественно-политическую жизнь, так и малоактивное (или активное в чем-то другом) меньшинство. Таким образом, общественно-политическая активность учащихся семинарий не является чем-то обязательным, поставленной на поток, и можно надеяться, что это свободный выбор каждого.

Высшая духовная школа в России и реформа «Болонский процесс»: поиск компромисса

Реформа образования «Болонский процесс» активно реализуется в том числе в высших духовных учебных заведениях Русской православной церкви. Как это происходит, и что в связи с этим думают учащиеся семинарий, - представляет отдельный интерес нашего исследования. В связи с этим мы делали замер оценки эффективности данной реформы как 2012, так и в 2018 гг., пытаясь уловить данный процесс в динамике. В результате нам удалось увидеть происходящие изменения, от настороженного непринятия реформы в 2012 году к попытке поиска плюсов реформы в 2018 году. Вместе с тем, отношение нельзя назвать однозначным, что проявляется в том, что у семинаристов из МДА по ряду позиций обнаружено более сдержанное отношение к реформам, чем у семинаристов из СПбДА (см. Таблицу4).

Обращает внимание, что почти треть опрошенных студентов считает, что данная реформа дает возможность поучиться за границей (МДА – 30,2 %, СПбДА – 30,3 %), и почти столько же респондентов считают, что реформа способствует снижению уровня образования (МДА – 31,6 %, СПбДА – 29 %). Данный факт говорит о том, что учащиеся столичных семинарий видят как плюсы, так и минусы проводимой реформы. Причем для воспитанников МДА минусов больше, среди них есть так же процент тех, кто считает, что данная реформа вообще ничего не дает.

Таблица 4. Представления семинаристов о возможности образовательной реформы «Болонский процесс»

Что может дать Вам проведение этой реформы (%), вопрос с множественным вариантом ответа	МДА	СПбДА
Возможность поучиться за границей	30,2 %	30,3 %
Снижение уровня фундаментального образования	31,6 %	29 %
Возможность завершить учебу в любой удобный для меня момент и затем снова ее продолжить	26,2 %	28,3 %
Стать хорошим специалистом-практиком	15,6 %	27,6 %
Необходимость больше работать над изучаемым материалом самостоятельно	25,3 %	24,8 %
Новые и интересные подходы к изложению учебных материалов	20 %	22 %
Получить качественное образование за короткое время	10,2 %	17,9 %
Возможность контролировать уровень знаний самих преподавателей	3,6 %	8,3 %
Гарантии будущего трудоустройства	6,2 %	6,2 %
Проблемы при трудоустройстве и ограниченный доступ к высокооплачиваемым специальностям	5,3 %	3,4 %
Ничего не дает	7,6 %	1,4 %

Вопрос о ценностях образовательной реформы «Болонский процесс» выявил также весьма интересные результаты. Для этого мы использовали шкалу, которой измеряли ценности вуза и преподавателей. В результате получили следующие данные. Студенты столичных семинарий считают, что ценностями «Болонского процесса» являются карьера и успех (МДА – 36,9 %, СПбДА – 36,6 %), самореализация и конкурентоспособность (МДА – 29,8 %, СПбДА – 33,1 %), профессионализм как система компетенций (МДА – 28 %, СПбДА – 26,9 %). Как можно понять, подобные ценности мало согласуются с ценностями самих духовных школ, которые ориентированы на воспитание иных качеств личности. В этом смысле реформа «Болонский процесс» бросает определенный вызов таким учебным заведениям, где главным остается не только образовательная, но и воспитательная компонента. В определенном смысле эта реформа нивелирует потребности самих духовных школ, вынуждая их встраиваться в мир секулярных ценностей. Отсюда то, что должен

измениться не просто подход к обучению, но и те традиции, которые сформировали духовные школы.

Говоря о качествах, которые пытаются воспитать в своих студентах преподаватели столичных семинарий, учащиеся отметили, что прежде всего ответственность – 68,4 % и 73,8 % в МДА и СПбДА соответственно, самостоятельность (48,4 % и 46,2 %) и терпеливость (48 % и 40 %). В последнюю очередь прививаются такие качества как инициативность (7,1 % и 13,1 %), креативность (11,6 % и 16,6 %) и целеустремленность (14,7 % и 23,4 %). Это мало согласуется с запросом образовательных реформ на конкурентноспособную и адаптивную личность. Вместе с тем, серьезных преобразований с точки зрения реформ требуют и имеющиеся в духовных вузах традиции, они касаются, как научной, учебной, так и досуговой сфер деятельности. Отметим, что по оценке учащихся, наиболее развитыми традициями в семинариях являются так называемые традиции управления учебным процессом – внешний вид, молитва перед занятиями, обращение на «Вы» и т.д., тогда как научные и учебные традиции менее развиты.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что при нынешней активности Русской православной церкви есть необходимость в соответствующих кадрах. Вместе с тем, то, что предлагают сегодня духовные семинарии и академии, не вполне соответствует как запросам священноначалия, так и требованиям проводимых в стране реформ. Подобные ожидания заставляют меняться не только самого студента, но и сложившуюся систему духовных школ, её традиции, которые, с одной стороны, объективно нуждаются в корректировке, обновлении (это особенно касается научных, учебных традиций), с другой, требуют своего сохранения, так как составляют воспитательную основу духовной школы.

Часть 3. Секулярное окружение и духовная жизнь. Между миром и міром

Исходя из вышеизложенного, современный семинарист оказывается сегодня в ситуации серьезных ожиданий, главным образом со стороны самой Церкви. При этом окружающая среда и общество в целом далеки от христианских идеалов, что откладывает свой отпечаток на воспитанников семинарий, которым приходится лавировать между миром (особым состоянием Духа) и міром (как системой общественных и сложных, порой противоречивых человеческих отношений). Безусловно, подобное лавирование и попытка сохранить себя в мирном духе является в принципе частью аскетической духовной практики, но она становится тем труднее, чем меньше примеров вокруг и чем больше отвлекающих факторов. В связи с этим нам было важно проанализировать, каково ближайшее окружение семинаристов и как они справляются с вызовами міра.

Автор работы «Секулярный век» Ч.Тейлор отмечает, что современная эпоха характеризуется мирским агностицизмом и так называемым «эксклюзивным гуманизмом», еще одной её характеристикой является так называемая «имманентная схема», которая маргинализирует теистическую «трансцендентность». При этом

Тейлор выделяет три вида секулярности, обозначая их секулярность-1, главной особенностью которой является уход религии из публичной сферы, в результате чего общественная жизнь считается свободной от связи и всяческих отсылок к высшей реальности; секулярность-2, при которой происходит потеря религиозности отдельными людьми, исчезновение веры и религиозной практики, люди «уходят» от Бога; секулярность-3, когда происходят уже масштабные изменения и общая вера становится невозможной. Характеризуя последний вид секуляризации, который интересует Тейлора больше всего, в своей работе он пишет: «Переход от общества, в котором вера в Бога не оспаривается и, по сути дела, беспроблемна, к такому обществу, в котором вера считается лишь одним из возможных выборов, и зачастую, не самым легким выбором» [Тейлор, 2017: 627]. Таким образом, секуляризация рассматривается не просто как упадок религиозности, а как перемена самих условий, при которых вера становится одной из многих возможностей. При этом, объясняя момент зарождения секулярного мира, Тейлор вводит понятие «полноты», то есть такого мгновенного опыта, который выражает представления человека о смысле жизни, отмечая, что для верующих эта полнота наступает извне, а для неверующих она приходит от желаний и разума, то есть из внутреннего содержания самого человека. Отсюда и проистекает начало современного секулярного мира.

Именно внутренний и самодостаточный гуманизм, видящий свою цель исключительно в человеческом процветании, становится источником секулярного мира. Согласно Тейлору, корни этого, как называет его автор, «эксклюзивного» гуманизма уходят в 16–17 века, в позитивизм, когда человек становится как бы наблюдателем, отдаляется от изучаемого, анализируемого и критикуемого им мира. Происходит переход от божественного и постоянного порядка, к порядку, в котором человек сам своими усилиями делает то, что считает нужным, сам конструирует общество, в котором живет.

Авторитетное мнение и окружающая среда воспитанников высших православных школ

Надо признать, что и на семинаристов высших духовных школ оказывается сильнейшее влияние идей так называемого «эксклюзивного» гуманизма, когда и ближайшее окружение перестает являть пример христианской жизни. Учащиеся высших духовных школ вынуждены находиться в состоянии постоянного сопротивления современности. Отвечая на вопрос о своем окружении, 64,9 % и 64,1 % в Москве и Петербурге соответственно отмечали присутствие в нем людей с виртуальной зависимостью, еще 56 % и 63,4 % людей в их окружении, общающихся с использованием мата. Есть и те, кто имеют сексуальные отношения вне брака, об этом заявили 50,2 % учащихся МДА и 60 % опрошенных в СПбДА, ведущие разгульный образ жизни (43,6 % – МДА, 40,7 – СПбДА). Меньше (в сравнении с другими

девиациями) в семинаристском окружении людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией и наркоманов.

Можно сделать вывод, что семинаристы не живут в «тепличных» условиях, в равной мере разделяя тенденции современности, привнося их последствия в стены духовных школ, но и по факту своего священнического служения сталкивающиеся с проблемами современного мира в исповедях. Это не может не влиять на общую атмосферу как самих духовных вузов, так и на духовную жизнь самих учащихся, которые постоянно вынуждены балансировать.

Важно при этом оценить их собственные усилия противостоять влиянию среды, готовность что-то изменить. В связи с этим учащимся был задан вопрос о том, что делают они сами, как помогают людям своего окружения, которые подвержены различного рода девиациям. Мы получили весьма интересные данные, особенно в сравнении с результатами замера 2012 года (Таблица 5).

**Таблица 5. Помощь семинаристов
в случае девиации социального окружения**

Нужна ли им ваша помощь (%)	МДА	СПбДА
Меня это беспокоит, будучи сам не в силах что-то изменить, я стараюсь молиться о них Богу	41,3 %	31 %
Меня такие поступки беспокоят и я стараюсь говорить об этом со своими друзьями	24,9 %	29,2 %
Считаю, что человек свободен поступать так, как хочет	9,8 %	9,7 %
Другое	5,8 %	9 %
Меня это беспокоит, но что-то изменить не в моих силах	6,7 %	7,6 %
Затрудняюсь ответить	5,3 %	6,2 %
Я сам не ангел (иногда и сам могу позволить себе такое)	4,4 %	4,8 %
Я не вижу в этих поступках ничего дурного	1,3 %	2,1 %
Мне до этого нет никакого дела, меня это не касается	0,5 %	0,4 %

В опросе 2018 года 41 % опрошенных МДА и 31 % СПбДА согласились с тем, что их такие поступки беспокоят, но будучи не в силах что-то изменить, они стараются молиться за своих друзей Богу, еще треть студентов Санкт-Петербургской академии и 25 % респондентов в МДА ответили, что их такие поступки беспокоят и они стараются сами говорить об этом со своими друзьями, лишь незначительные проценты ответивших заявили о своем бессилии чем-то помочь, или о том, что сами не ангелы, еще меньше, что не видят в этих поступках ничего дурного (1,3 % МДА, 2,1 % СПбДА). Это все-таки свидетельствует о том, что поведение людей социального окружение вызывает беспокойство и ответную реакцию – не безразличие. Но интересно и другое, а именно: в замере 2012 года среди опрошенных МДА заметно больше было тех, кто

готов был предпринимать собственные усилия (37 %) и заметно меньше тех, кто обращается за помощью к Богу, молиться (27,5 %). В 2018 году ситуация кардинально меняется – почти в 1,5 раза становится больше тех, кто готов молиться, а не увещевать, и в столько же раз сокращается число «увещевающих». Это может означать в том числе то, что за последние шесть лет, возможно, само общество стало заметно более глухо к православной проповеди, но и что сами девиации достигли такого масштаба, что приходит понимание, что человеческими силами преодолеть это невозможно. Возможно, правда, и другое объяснение: за этим ответом скрывается требование современного общества не входить в конфликт и разногласие с другим/другими, толерантное молчание, которое может проявляться в том числе и в молитве.

Стоит отметить, что в жизни христиан всегда был важен и подчеркивался авторитет человека, обладающего духовным опытом, кто мог бы оказать помощь и поддержку. Подобный взгляд на духовное наставничество был развит еще с апостольских времен, продолжает сохраняться данная традиция и сегодня, хотя и с признанием того, что таких наставников все меньше, и, как правило, это люди особой духовной жизни. Вместе с тем для учащихся семинарий данный вопрос остается актуальным, особенно в контексте обсуждения влияния социальной среды. При опросе нами был задан вопрос о том, кто является авторитетом для учащихся столичных семинарий в первую очередь.

Согласно полученным данным, для студентов Московской и Санкт-Петербургской академий источниками авторитетного мнения являются в первую очередь родители и родственники (89,8 % и 87,6 %), священники и духовные отцы (80 % и 77,2 %) и близкие друзья (52 % и 57,2 %). В качестве своего авторитета предстоятеля РПЦ, святейшего патриарха Кирилла назвали в 2018 году 18 % учащихся МДА и 13 % СПбДА. Наименьшим авторитетом для столичных семинаристов обладают предприниматели (0,9 % в Москве), школьные учителя (1,8 % и 0,7 %) и деятели искусства (3,6 % и 4,1 %).

Стоит подчеркнуть, что хотя духовный отец или священник обладает большим авторитетом для семинаристов, однако родственники и родители более авторитетны и способны оказывать заметное влияние на их жизнь. Данный факт может свидетельствовать о том, что ценность семьи и родительского мнения сегодня для семинаристов гораздо выше, чем духовное наставничество (которого, скорее всего, сегодня трудно найти). Примечательно при этом, что в замеры 2012 года в МДА давались схожие ответы, за исключением того, что ценность авторитетного мнения друзей значила меньше (43,2 %), а авторитет патриарха был выше (44,5 %).

Таким образом, живя в мире неверия и представлении о безграничных свободах, сегодняшние семинаристы вынуждены не только преодолевать влияние своего социального окружения, но и имеющийся дефицит духовного наставничества.

Заключение

В статье был рассмотрен современный этап реформирования высшей духовной школы Русской православной церкви, в связи с чем был дан краткий обзор того, как проходило подобное реформирование в прежние века и годы, какие проблемы стояли перед церковным образованием в прошлом и настоящем. Исходя из анализа был сделан вывод о том, что в предыдущие годы упор делался на духовном воспитании будущих пастырей, которое имело двойное значение – с точки зрения поддержания государственной и церковной власти, и как запрос и потребность самого общества. Сегодня, когда подобные запросы формируются отчасти, а Церковь вынуждена действовать в окружении индифферентного к христианству большинства, возникает потребность в реформировании духовного образования иного рода, нацеленного на воспитание прежде всего образованного пастыря. В связи с чем предпринимаются попытки повысить статус самой высшей духовной школы и получить признание со стороны различных институций системы общего российского образования. Подобное встраивание в систему светского образования накладывает определенного рода обязательства, в том числе участие духовных школ в реформе «Болонский процесс», глубоко утилитарной и нацеленной на воспитание экономически эффективной личности, что мало согласуется, казалось бы, с системой духовного образования. Тем не менее подобные попытки предприняты и имеют определенный результат, за годы реализации реформы пройден путь от непринятия реформы основной частью семинаристов до поиска положительных сторон в 2018 году. Отчасти это может быть и защитной реакцией и как поиск компромисса с уже сложившейся системой.

Вполне благие мотивы Русской православной церкви, связанные с усовершенствованием системы высшего духовного образования и развитием церковной миссии в современном мире, так или иначе приводят к тому, что начинают приобретать секулярные черты, например, такие, как бюрократизм, функциональная специализация, коммерциализация, формализация, юридизм, ориентация на нерелигиозные нормы. Удар на себя принимает прежде всего воспитательная компонента образования, и традиционная роль преподавателя.

В результате можно говорить о нескольких видах церковной секуляризации – внешней и внутренней. Внешняя секуляризация понимается нами как целенаправленный процесс принудительного характера по отношению к Церкви извне, результатом которого являются перемены в способах и принципах существования Церкви, потеря позиций, ролей и выполняемых ею функций. В качестве наиболее яркого примера внешней церковной секуляризации можно вспомнить отмену института патриаршества в период петровских реформ. Признаком же внутренней секуляризации является внутрицерковная мотивация или инициатива перемен со стороны самой Церкви, которые так же ведут к изменению принципов и способов существования и функционирования церковного института. Сегодня мы наблюдаем главным образом изменения этого вида секуляризации.

Подобные процессы уже сегодня начинают вызывать неоднозначную реакцию со стороны учащихся семинарий, которая проявляется в сложном отношении семинаристов к самой РПЦ и её иерархам, в разделении религии, Церкви как социального института и её предстоятеля. И хотя активность сегодняшней Церкви близка большинству учащихся духовных вузов, вместе с тем это же вызывает участи учащихся сопротивление.

При этом сами студенты духовных вузов проявляют свой интерес не только к духовной жизни, но и к практической деятельности своего будущего священнического служения. Их видение развития Церкви вполне согласуется с уже выбранным курсом, которое проявляется в желании как можно больше работать с молодежью, отчасти развивать направление связи с общественностью и работу в масс медиа. Подобный факт свидетельствует о том, что вектор развития (в том числе дальнейшего) связан в первую очередь с активной проповедью РПЦ и сами студенты высших духовных школ выступают за активную позицию Церкви в обществе, меньше всего желая видеть ее как маргинальный институт.

Неизбежным становится влияние окружающего мира и среды, который все больше приобретает черты секуляризма, который Ч.Тейлор обозначил, как третий и массовый отход от веры, когда вера приобретает самые разные и причудливые формы. В этих условиях воспитание будущего священника становится более проблематичным, а самим семинаристам приходится лавировать между миром и міром, ища поддержку прежде всего в семье и в родительском авторитете, так как авторитет духовных наставников становится менее заметным. Сами семинаристы по-прежнему ориентированы на священническое служение, хотя и не без того, чтобы в будущем получить еще одну специальность.

Библиографический список

Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского : в 3 кн. / собр. Иваном Барсуковым. – СПб.: Синод. тип., 1901. – Кн. 3: Письма Иннокентия, митрополита Моск. и Коломен. 1865–1878. – 398 с.

Концепция высшего духовного образования Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Донская духовная семинария: [веб- сайт]. URL: http://donseminary.ru/files/2017/07/Концепция-духовного-образования-Русской-Православной-Церкви_21.08.2007.pdf (дата обращения: 11.04.2019).

Концепция дальнейшего реформирования системы духовного образования Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Учебный комитет Русской православной церкви: [вебсайт]. URL: <http://www.uchkom.info/uchebnyy-komitet/dokumenty/kontseptsiya-dalneyshego-reformirovaniya-sistemy-dukhovnogo-obrazovaniya-russkoj-pravoslavnoy-tserkv/> (дата обращения: 13.04.2019).

Милбанк Дж. Политическая теология и новая наука политики // Логос. 2008. № 4 (67). С. 33–54.

Милбанк Дж. Секулярность имеет тоталитарные наклонности [Электронный ресурс] // Русский журнал: [веб-сайт]. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-rovestka/Sekulyarnost-imeet-totalitarnye-naklonnosti> (дата обращения: 02.04.2018).

Морозов Е. М. Концепт профессионализма в служении современного православного священника // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 4. С. 167–182. DOI: 10.14515/monitoring.2016.4.09.

Тейлор Ч. Секулярный век / Пер. с англ. (Серия «Философия и богословие»). – М.: ББИ, 2017. 967 с.

Типовой устав духовной семинарии [Электронный ресурс] // Учебный комитет Русской православной церкви: [веб-сайт]. URL: <http://www.uchkom.info/upload/doki/Типовой%20устав%20семинарий.doc> (дата обращения: 13.04.2019).

Устав Православной религиозной организации – Синодальное учреждение Русской Православной Церкви «Учебный комитет Русской Православной Церкви» [Электронный ресурс] // Учебный комитет Русской православной церкви: [вебсайт]. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/80149492/?*=YzM%2BIdbmRZNqsss7sqOmk%2BnttRJ7InVybCI6InlhLW1haWw6Ly8xNjgwNDA1NjEwOTYzMDQxNDQvMS4yIiwidGl0bGUiOiLQo9GB0YLQsNCyINCj0YfQtdCx0L3QvtCz0L4g0LrQvtC80LjRgtC10YlQsC5wZGYiLCJ1aWQiOiI4MDE0OTQ5MiIsInl1IjoiMTI4MzU2NTU3MTQ1OTQxNzA0MSIsIm5vaWZyYW11IjpmYWxzZSwidHMiOjE1NTA0MTA1MzY3Nzl9 (дата обращения: 13.04.2019).

Berger P. The Sacred Canopy. Elements of Sociological Theory of Religion. N.Y., 1967. 229 p.

Milbank J., Pickstock C., Ward G. Introduction. Suspending the material: the turn of radical orthodoxy. Radical orthodoxy. A new theology. Ed. by John Milbank, Catherine Pickstock and Graham Ward. London: Routledge, 1999. 304 p.